

Он был левиафаном, грандиозной биомеханической структурой, далеко вышедшей за пределы норм естественной эволюции его вида. Его конструкция была необъятной, самоподдерживающейся и превосходящей смехотворный биологический императив: существовать, потреблять, производить потомство. Являться железом и маслом, камнем и сталью — значит обрести неизменность, но если остатки плоти в центре подобных восприятий и знали что-нибудь, так это то, что ничто, созданное руками человека, не бывает неизменным.

Сидя на командном троне и соединённый с машинным сердцем “Сперанцы” с помощью тактильной обратной связи, нейронных соединений и манифольда архимагос Лексель Котов чувствовал дух корабля, который проходил сквозь него, тысячелетнее сердце, ревущее водопад информации, которая вздымалась вокруг потока данных, подобно бурлящей реке света. Даже несмотря на столько точек подключения он осмеливался касаться только самых поверхностных уровней разума ковчега. Немного глубже и он рискует оказаться сметённым могучим великолепием, утонуть в жидких потоках чередуемых данных.

Дух-машина “Сперанцы” оказался на порядки грандиознее, чем любая био-аугметированная сущность, с которой сталкивался архимагос. Он легко мог целиком поглотить его смертный разум и превратить тело в пустую, безмозглую оболочку, которая способна осмыслить своё существование не больше сервитора. Котов однажды рискнул соединить все когнитивные функции своего разума с раненым сердцем мира-кузни, чтобы предотвратить катастрофический отказ реактора, но “Сперанца” затмевала даже тот могучий дух.

Миры-кузни представляли собой кипящие котлы чистой функции, прямо соединённые на грани безрассудства, целые планеты предприятий, доведённые до крайности производством, которое работало только благодаря десяткам тысяч жрецов Марса. “Сперанца” придерживалась то же самой функции, но нескованной неподвижной звёздной географией. Мир-кузня, способный путешествовать среди звёзд, грандиозная машина созидания, способная соперничать с чудесами Золотого Века Технологии.

Обнаружение “Сперанцы” было неожиданным и произошло благодаря случайному проникновению ошибочного кода из её дремлющего ядра-разума в инфомашину верховного храма Котова на мире-кузне Паломар. Сначала он не обратил внимания на бинарную утечку, сочтя её призрачными выбросами давно деактивированных машин, но, когда инфоциты отыскивали глубоко в сетях код с аналогичными характеристиками, картина прояснилась, постепенно открывая нечто невероятное.

Вся мощь аналитиков Котова была пущена в ход и расходящиеся пути просачивающихся данных быстро идентифицировали. И даже тогда никто полностью не смог понять всю значимость обнаруженного нейро-соединёнными жрецами. Только после того, как команды эксплораторов потратили добрую половину столетия, проверяя внешние границы зоны, откуда исходил код, Котов осмелился поверить, что это правда.

Один из легендарных ковчегов Механикус.

Погребённый в стальном фундаменте его мира-кузни тысячи лет.

Говорили, что существует всего лишь несколько таких невероятных судов, и обнаружение неповреждённого было чудом, соперничающим с нахождением полностью функционирующей системы СШК. Ни один из восстановленных блоков данных так и не смог идентифицировать корабль, и это обстоятельство изумило Котова, ибо центральным догматом Механикус было никогда и ничего не удалять. Получалось, что фактически корабль раньше просто не существовал. Сначала Котов решил, что давно умерший экипаж каким-то образом сумел посадить неповреждённым огромный космический левиафан на поверхность планеты, а затем встроил его в металлический слой.

Только когда исследовали большую часть судна, Котов наконец-то понял правду.

Ковчег оказался незавершённым.

Часть корабля требовалось достроить и его никогда не запускали. По неизвестным причинам создатели остановили проект на заключительных этапах и просто включили существующую структуру в увеличивавшийся запутанный клубок промышленности планеты. О судне забыли, и его залы технологических чудес и великих амбиций поглотил развивающийся мир-кузня, не оставив ни одного видимого намёка на первоначальное происхождение.

И так продолжалось многие тысячелетия, пока воля Омниссии не вернула его к свету. Котову нравилось думать, что корабль хотел, чтобы его нашли, что он мечтал о путешествии к звёздам и исполнению цели, ради которой его создали.

Архимагосу потребовалось три века, чтобы демонтировать сооружения, возведённые на погребённом корпусе, и ещё два, чтобы осторожно поднять его в космос при помощи флота подъёмников и гравитационных стабилизаторов. Незавершённые части ковчега достроили на орбитальных платформах, разобранные комплектующие трёх системных мониторов обеспечили необходимые стальные конструкции и недостающие элементы технологий.

Его верфи обладали опытом и нужными схемами СШК, чтобы подготовить корабль к запуску, но возрождение бездействовавшего духа-машины — совсем другое дело. Он проспал века, словно забытый реликт, и Котов знал, что должен напомнить ему о древнем долге продолжить поиск знаний.

Архимагос общался с умирающими мирами-кузнями, успокаивал непокорных титанов и очищал повреждённые инфомашины от исходного скрапкода, но древний дух “Сперанцы” почти уничтожил его. Несмотря на огромный риск для разума, он потянул спящую душу ковчега к жизни, раздувая яркую искру Омниссии, которая лежит в сердце каждой машины, в жгучее пламя восторженного света.

Но столь бурное рождение стоило дорого, все новорождённые боятся покидать место своего одиночества, где они пережили эпохи. Подобно раненому зверю ковчег прокричал мучительный шквал архаичного кода, захлестнув все био-нейронные сети Паламара. Машинные крики перегрузили тщательно сбалансированные регуляторные сети мира-кузни и в мгновение ока превратили планету в руины. Сотни активных зон реакторов за долю секунды

достигли критической массы, и последующие взрывы опустошили целые континенты. Невосстановимые библиотеки обратились в пепел, расплавленный шлак или воюющие куски кода. Миллионы танков, боевых машин и техники, отчаянно необходимые для бесконечных войн человечества, оказались потеряны в радиоактивном адском шторме.

К тому времени как гнев родившейся “Сперанцы” спал, всё живое на поверхности планеты было мертво, а все уцелевшие кузни получили такую дозу облучения, что можно было забыть об их восстановлении. В производственных десятинах Котова появилась зияющая брешь. И всё же потеря целого мира-кузни оказалась всего лишь небольшой жертвой, потому что древний космический корабль вспомнил себя и свою великолепную функцию. Хотя несколько нижних палуб пропитала загрязнённая пыль, поднятая планетарными радиационными штормами, большинство конструкций избежали сильных повреждений.

Освободив корабль от родной планеты, Котов назвал его “Сперанца”, что означало “надежда” на одном из забытых языков Старой Земли. Ковчегу понравилось имя, и архимагос с отеческой гордостью наблюдал, как необъятный дух-машина вливался в судно, учась и развиваясь с каждым циклом роста.

Разум “Сперанцы” быстро стал единой взаимосвязанной сущностью, которая поглотила души всех машин, составлявших её великолепнейшую структуру. Даже грандиозные инфомашины Адамантиевого Кивория оказались всего лишь песчинками в её колоссальном разумном пространстве, коллективном разуме в самом чистом значении этого слова. Знания разделялись, как только попадали в сердце “Сперанцы” и не существовало никакой более чистой формы мысли.

Разум “Сперанцы” быстро стал единой взаимосвязанной сущностью, которая поглотила души всех машин, составлявших её великолепнейшую структуру. Даже грандиозные инфомашины Адамантиевого Кивория оказались всего лишь песчинками в её колоссальном разумном пространстве, коллективном разуме в самом чистом значении этого слова. Знания разделялись, как только попадали в сердце “Сперанцы” и не существовало никакой более чистой формы мысли.

Даже просто смотреть на столь прекрасные накопленные данные означало находиться в присутствии Омниссии.

Заправляя плазменные двигатели Авреем думал, что занимается самым неблагодарным делом в своей жизни, но уборка дренажных камер от побочных продуктов сгорания превзошла даже это. Каждые десять часов двигатели выделяли вулканическую смесь из плазменной золы, токсичных химических осадков и остаточных тяжёлых металлов, сгоревших на внутреннем покрытии двигателей.

Всё это вываливали из нижних приводных цилиндров в арочные перерабатывающие залы, которые располагались под камерами сгорания, гигантские открытые площадки с чёрными стенами, шептавшими тусклый синий призрачный код, казавшийся Авреему отражённым светом мостика. Гладкие, острые, как бритва отходы лежали большими дюнами рефлексированных серых осколков, большую их часть ждала переработка для использования

где-нибудь в другом месте судна. Перерабатывающие залы задыхались от ядовитых химикатов, едких осадков, огнеопасных паров и жгучих туманов. Огромные бульдозеры с вулканизированными колёсами, дымившими от коррозионных эффектов выбросов двигателя, с трудом продвигались по колеблющимся кучам отходов, сгребая их в громадные кузова громыхавших грузовиков.

Сразу за бульдозерами следовали крепостные в изношенных комбинезонах, которые, пожалуй, ещё примархов помнили молодыми, они двигались неровными рядами, как солдаты на каком-то архаичном поле битвы. Первая волна с трудом удерживала длинные напорные шланги, из которых в пол била кипящая вода, в то время как вторая с широкими лопатами и скребками подбирала все обломки измельчённых материалов.

Ничто не пропадало впустую, а мерцающая пелена зеркальной пыли, искрившая в воздухе, забивала воздухоочистители и гарантировала, что каждый несчастный на следующий день откашляет стёртую пищеводную ткань. Спустя всего день в перерабатывающих залах Авреем заметил, что руки и лицо покрылись волнистым слоем струпных волдырей. Все, кто работал на переработке в тот день, получили шрамы, но никого, казалось, это не волновало. Глаза Авреема жгли химические раздражители и гранулированная пыль, попавшие в складки кожи вокруг глаз, и он плакал тонкими кровавыми ручейками.

В искусственных сумерках нижних трюмов дни и ночи стали неразличимыми, постоянно менявшиеся жестокие требовательные задачи, похоже, были специально рассчитаны, чтобы лишить время смысла. Грудь Авреема болела, на руках и ногах появились волдыри и царапины, волосы заметно поседели, а дёсны кровоточили. Их существование превратилось в однообразный неблагодарный труд, и лишилось всего, ради чего стоило жить. Каждый день стирал их человечность, пока они не стали немногим больше, чем органическими автоматами. Этого оказалось достаточно, чтобы сломать дух даже самого непокорного крепостного. С каждым прошедшим днём недовольство становилось всё меньше и меньше, сопротивление вытравили безжалостной тяжёлой работой и бесконечным ужасом ежедневных норм.

Авреем чувствовал, что угасает и прижал руку к карману, который он пришил к спецовке, где хранил карточку Или и Зеры. Мысль, что скоро он присоединится к ним — вот единственное, что не давало опустить руки и поддерживало, пока Император, наконец, не заберёт его в Своё царство. Койн влачил немногим лучшее существование, проводя смены в угрюмой тишине, а редкое время отдыха, свернувшись в позу эмбриона на металлической койке.

Но одного человека, похоже, ещё не сломали.

Хоук оказался физически и психически крепче, чем ожидал Авреем, он чувствовал себя лучше, чем многие из мужчин и женщин, которые оказались с ним на борту. Авреем пришёл к выводу, что, когда запасы сил Юлия иссякали, его подпитывали горечь и злость. Работая рядом, он слышал нескончаемый поток злобных ругательств бывшего гвардейца, тот проклинал всех, начиная с архимагоса и заканчивая своим личным заклятым врагом, надзирателем Врешем. Авреем знал, что солдаты входят в число самых изобретательных сквернословов, но Юлий Хоук достиг в этом совершенно иного уровня.

Во время отдыха Хоук пересказывал истории о своей службе в Гвардии, и если хотя бы половина из того, что он говорил о чудовищных космических десантниках-предателях, осаждавших крепость Адептус Механикус, было правдой, то, пожалуй, ему можно было многое простить после столь ужасающего опыта. Его истории постоянно развивались с каждым новым пересказом для всё более благодарных слушателей. Хоук ругал надсмотрщиков Механикус и открыто призывал восстать против Вреша или принять меры, чтобы покончить с их принудительным рабством.

Авреем смеялся в отчаянии, но никто не следовал его примеру.

Между приступами мятежной демагогии Хоук часто исчезал в извилистом лабиринте стальных трапов, окружавших их спальное помещение, неизвестно куда направляясь, чтобы вновь появиться только когда Вреш включал сирену, отмечая начало рабочей смены. Всякий раз, когда Авреем спрашивал его, куда он ходил, Хоук только заговорщически касался носа и подмигивал.

— Всеми своё время, Ави, всеми своё время, — вот и всё, что он отвечал.

Как Хоук находил силы для таких таинственных прогулок, оставалось для Авреема тайной, пока он не понял, насколько умело Юлий избегал всего, что хоть как-то напоминало работу. Споры с Врешем, забытые инструменты, повреждённое оборудование и симуляции — всё это приводило к тому, что он работал намного меньше остальных. Но его вовсе не стали ненавидеть, как “сачка”, наоборот он только укрепил свою репутацию мятежника и подстрекателя.

Вот и сегодня Авреем стал свидетелем, как Вреш много раз посылал Хоука к шкафчикам с припасами, а тот сумел растянуть эту задачу на лишние несколько часов. К концу смены Авреем полностью вымотался и не мог думать ни о чём, кроме как упасть на свою третью койку в ряду и закрыть глаза, пока ненавистная сирена не пробудит его от кошмаров бесконечного рабства.

Кошмаров, которые не отличались от реальности.

— Ещё один день закончился, а? — спросил Хоук, незаметно подойдя к ним с Койном с усмешкой, которую Авреему захотелось стереть тяжёлым скребком. Но даже несмотря на своё опустошённое и ошеломлённое состояние он понимал, что это, скорее всего, плохая идея. Крушила ходил за Хоуком, как верный пёс, и Авреем не сомневался, что любая попытка поднять руку на Хоука, приведёт к тому, что кулак огрина превратит его лицо в пюре.

— Я просто хочу спать, Хоук, — сказал он.

— Ага, я тоже. Долгая смена, в течение которой мы помогали лететь этому судну. Ты в курсе, что мы самые важные люди на борту?

— Да ну?

— Конечно, само собой разумеется, если хочешь знать, — ответил Хоук, глубокомысленно кивнув. — Если мы перестанем делать свою работу — вся эта машина сломается. Может мы и самые крошечные шестерёнки, но мы всё равно остаёмся важными, верно? У каждой шестерёнки своя роль?

— Как скажешь, — пробормотал Койн.

— Ты считаешь, что некоторые шестерёнки важнее других?

— Да нет.

Хоук покачал головой. — Неважно. Я покажу тебе позже.

— Покажешь мне что? — спросил Авреем, хотя больше всего он хотел рухнуть на койку и урвать несколько часов беспокойного сна.

— Увидишь, — сказал Хоук, направляясь в хвост колонны усталых рабочих, Крушила верно следовал за ним попятам.

— О чём это он? — поинтересовался Койн.

— Не знаю, — ответил Авреем. Для Хоука было обычным делом дразнить тайнами, а затем давать задний ход, как капризная портовая шлюха. — И не особо хочу узнать.

Койн кивнул, и они вошли в отсек, который с типичной функциональностью Механикус и их легкомысленным презрением к человечности крепостных назвали пищеблоком-86. Тяжёлые стальные балки поддерживали потолок, с которого сыпалась промышленная серая краска, и свисали пульсирующие кабели, пышущие жаром трубы и тусклые ненадёжные фонари в железных клетках.

По всему залу протянулись ровные длинные ряды опорных столов, между которыми медленно двигались неповоротливые сервиторы, скупно отмеривая то, что со смехом называли пищей для крепостных. Она даже отдалённо не выглядела аппетитно, но единственной альтернативой оставался голод.

Иногда Авреем думал, что лучше всё же голодать.

Одна смена просто уходила, направляясь на очередную работу, а люди, только что покинувшие ядовитые перерабатывающие залы заходили, занимая её место.

— Трон Терры, — пробормотал Койн, когда нашёл, где сесть и втиснулся между человеком, лицо которого превратилось в бесформенную массу струпьев и химических пузырей. Второй сосед выглядел не лучше: его предплечья покрывала паутина плазменных флект-рубцов, которые похоже нанесли осознано. Авреем занял место напротив Койна и опустил голову на руки. Никто ничего не говорил, истощение, песок в горле и бессмысленность разговоров заставляли их молчать.

За спиной Койна появился сервитор, внешне он напоминал мужчину с бледной пепельной кожей, черепным кожухом, заменившим большую часть мозга, и грубой аугметикой, превратившей его в раба-киборга, который беспрекословно выполнит любую задачу. Возможно, когда-то он был преступником или каким-то другим социально опасным типом, но заслужил ли он полного лишения человечности и превращения в немногим больше чем органический инструмент? Впрочем, оставалась ли вообще большая разница между сервитором и людьми, которых он кормил?

Рот сервитора запечатывала тяжёлая дыхательная пробка, голову опоясывали фиксирующие цепи, намекая, что когда-то он был нарушителем спокойствия или мятежным демагогом. Из аугметированного горла донеслась волна белого шума, и Койн наклонился в сторону, когда сервитор поставил на стол отформованный пластмассовый поднос.

В его углублениях оказалась густая безвкусная и тягучая, словно смола питательная паста, горстка витаминов и стимулирующих таблеток, и жестяная чашка, наполовину наполненная насыщенной электролитами водой.

Авреем услышал за спиной тяжёлую поступь сервитора и почувствовал резкий запах свежей био-нефти на недавно установленных разъёмах. Он наклонился в сторону, и бледная рука поставила такой же поднос перед ним.

— Спасибо, — сказал Авреем.

— Зачем ты делаешь это? — спросил Койн. — Они даже не понимают твои слова.

— Старые привычки. Они напоминают мне, что мы всё ещё люди.

— Напрасная трата времени на мой взгляд.

— Ладно, не буду, — огрызнулся Авреем, слишком уставший, чтобы спорить.

Койн пожал плечами, а сервитор убрал руку и направился дальше вдоль стола, но оптические имплантаты Авреема успели зарегистрировать свет от подкожной электронной татуировки на внутренней стороне его предплечья, имя, написанное на витиеватом готическом шрифте. Авреем мигнул, потому что узнал имя и повернул руку, чтобы посмотреть на такую же надпись.

Савицкас.

— Стой! — крикнул он, встал из-за стола и направился за сервитором.

Сервитор был спиной к нему и носил брезентовые светоотражающие оранжевые брюки. Вдоль всего позвоночника вилась имплантированная арматура, а левую половину черепа заключили в бронзовый шлем. Он толкал перед собой гусеничную раздаточную тележку и двигался неторопливой походкой лунатика.

— Это ты? — спросил Авреем, почти боясь, что сервитор ответит.

Ответа не последовало, что, впрочем, и не удивило, и сервитор продолжил ставить пластмассовые подносы перед крепостными, словно к нему и не обращались.

Авреем шагнул в сторону и встал прямо перед сервитором, блокируя ему путь и мешая идти. Из-за стола донеслись раздражённые крики, но он проигнорировал их, слишком потрясённый, чтобы отойти.

— Исмаил? Это ты? Кровь Тора, что они сделали с тобой?

И вновь сервитор не ответил, но Авреем безошибочно узнал тонкие черты лица своего бывшего начальника. Лицо Исмаила выглядело оплывшим и невыразительным, свёрла и мозговые шипы в черепе уничтожили чувства и заменили их наборами циклических программ, подчинительных алгоритмов и автономных функциональных регуляторов. Один глаз ампутировали и заменили монитором движения и сердечного ритма, на месте правого плеча появился незамысловатый фиксированный крутящийся шарнир, который позволял перемещать подносы с едой между раздаточной тележкой и столами, никакого иного использования предусмотрено не было.

Авреем вытянул предплечье, и посмотрел на свою электронную татуировку, написанное курсивом слово, которое не отличалось от меток под кожей сервитора.

— Савицкас? — спросил он. — Не говори мне, что ты не помнишь его? Самый мощный кран в доках Джоуры? Ты, я и Койн были командой, помнишь? Савицкас? Ты должен помнить его. Ты — Исмаил де Ровен, начальник смены на Савицкас!

Авреем схватил Исмаила за плечи, одно из плоти и крови, другое из стали и механизмов. Он тряс ставшего сервитором Исмаила и если бы у него ещё оставались настоящие слёзы, то он заплакал бы. Хватит и кровавых слёз.

— Разрази их Трон, — прорыдал Авреем. — Разрази всех их Трон...

Он даже не понимал, почему вид Исмаила, которого превратили в лоботомированного раба-киборга, так сильно расстроил его. Исмаил был его начальником, но они отнюдь не были

друзьями.

Авреем почувствовал руку на плече и позволил увести себя с пути сервитора.

Едва он шагнул в сторону, как Исмаил продолжил монотонную работу, двигаясь вдоль стола и ставя поднос за подносом с отвратительной безвкусной пищей перед голодными крепостными.

Стоявший рядом Хоук быстро отвёл Авреема назад, прежде чем вмешались надзиратели, и опустился на скамейку рядом с ним. Койн сидел там же, где Авреем оставил его, запихивая полную ложку пасты в рот.

— Так вот, что произошло с ним, — задумчиво произнёс Хоук, наблюдая, как Исмаил идёт дальше.

— Они превратили его в чёртового сервитора... — с отвращением произнёс Авреем.

— Не думал, что вы были столь близки или я что-то пропустил?

Авреем покачал головой. — Нет, мы не были близки. На самом деле он мне не нравился.

— Он был глупцом, — зло произнёс Койн. — Если бы не вы оба я не оказался бы в том проклятом баре. Я был бы сейчас дома с Каэлкой. Катитесь вы оба в варп, я рад, что они просверлили ему мозг.

— Думаешь, он заслужил это? — спросил Авреем.

— Конечно, почему нет? Мне всё равно.

— Потому что ты можешь стать следующим, — зло прошептал Авреем, наклонившись над столом. — Адептус Механикус просто скормили Исмаила своим машинам и выплюнули его человечность, как что-то бесполезное. Он — каркас из плоти для их проклятой бионики. От него ничего не осталось.

— Что ж, возможно, ему повезло.

— Твой друг прав, — присоединился Хоук. — Исмаил может и раб, но он хотя бы не знает этого.

— И значит всё в порядке?

— Разумеется, нет, но, по крайней мере, он не страдает.

— Ты не знаешь этого.

— Верно, — согласился Хоук. — Но и ты не знаешь, страдает ли он. Послушай, у тебя была долгая смена, и ты расстроен, увидев бывшего коллегу, которому отрубили полмозга. От такого любому придётся несладко, я прав?

— Ты прав, Хоук, — вздохнул Авреем.

— Держу пари, что ты не отказался бы от стаканчика шайна? — дружелюбно продолжил Хоук.
— Я бы не отказался.

Авреем едва не рассмеялся. — Конечно, да. Я люблю выпить. Я спрошу у надзирателя Вреша разрешение прошвырнуться по барам. Император знает, я хотел бы напиться прямо сейчас.

Хоук ухмыльнулся своей акульей усмешкой и сказал. — Тогда сегодня, мой добрый друг, твой счастливый день.

Котов устремил свой разум вовне, перенаправив восприятие с золотистых воспоминаний к перспективам будущего. Флот быстро приближался к внешним пределам системы Джоуры, проложенный госпожой Тихон курс оказался прекрасной демонстрацией звёздных картографических умений. Блейлок всё ещё переживал из-за её вмешательства, но Таркис всегда эмоционально реагировал — особенно из-за женщины, которая столь показательно пренебрегала видимой аугметикой.

Точка Мандевилля становилась всё ближе, и Котов ощущал горячее желание ковчега вновь прорвать завесу Имматериума. Работающие плазменные двигатели почти достигли максимального допуска, и риск отказа приводной камеры рос по экспоненте. Котов отделил частичку своего сознания и направил её по ноосфере, чтобы успокоить рвение двигателей. Его аугметированный мозг мог функционировать с полной когнитивной информированностью, в то время как множество сегментов действовали независимо, уделяя внимание второстепенным задачам. Сто или больше элементов сознания архимагоса управляли различными системами судна, и всё же он оставил достаточно разума в пределах коры головного мозга, чтобы сохранять собственные чувства.

Его внимание переключилось на область мозга, соединённую с системами ауспиков и комплексами топографов, читая ведьмино варево излучения электромагнитных волн вокруг огромного корабля. Он чувствовал изгибы корпуса “Сперанцы” словно собственное тело, от холода космоса оставшаяся на теле кожа сморщилась, и по ней побежали мурашки.

Далеко впереди летел “Ренард” и Котов уделил время, чтобы внимательно изучить судно капитана Сюркуфа. Это оказался прекрасный корабль, получивший разрешение Адептус Механикус на значительное модифицирование, переоборудование и усовершенствование. Он стал быстрее, манёвреннее и нёс гораздо более мощное вооружение, чем положено судну такого размера. Подобные модификации не купишь за бесценок на мире-кузне и это опровергало предположение, что Сюркуф присоединился к экспедиции по чисто финансовым

причинам.

Сознание Котова переместилось с “Ренарда” на “Адитум”.

Где судно вольного торговца демонстративно изобиловало потоками данных, уменьшенный корабль Храмовников оставался столь же тёмным, как сердцевина чёрной дыры, лишённым информации, его духи-машины закрылись от архимагоса. Раздражало и в некоторой мере оскорбляло, когда настолько высокопоставленный жрец Духовенства Марса оказался так недвусмысленно проигнорирован, но машины Адептус Астартес всегда быстро усваивали характерные черты ордена, которому служили.

Остальной флот держался возле “Сперанцы” сгруппировавшись вокруг её величественности, подобно лакеям при королевском дворе. Котову даже не пришлось уделять им внимание, независимые части его сознания направили корректирующие приказы капитанам множества судов: маневрирующие указания тем, кто подошёл слишком близко, и внутренние системные корректировки тем, чьи сети передачи данных накопили микроошибки.

Корабль Сюркуфа был гончей, которая вела охотников, и, несмотря на проявленное ранее непочтение Котову пришлось восхититься смелостью капитана бросить вызов воле архимагоса, за спиной которого стоял реклюзиарх. Он понимал мотивацию Сюркуфа лучше любого на борту “Сперанцы”. Остальные считали Робаута пустым хлыщом, вольным торговцем, искавшим только богатство и славу, но Котов знал правду. Он знал о прошлом Сюркуфа, его отрочестве в Ультрамаре, службе старшим офицером на борту злополучного “Наставника” и последующих неудачах.

Во многом он и Робаут Сюркуф оказались очень похожи.

Большинство в Духовенстве Марса полагали, что рисковать ковчегом Механикус в этих поисках было бесполезной затеей, последним безнадёжным гамбитом магоса, активы и влияние которого стремительно сократились за десятилетие. Возможно, это и было глупостью, но Котов не мог поверить, что обнаружение им “Сперанцы” и находка Сюркуфом реликта потерянного флота Телока не являлись волей Омниссии.

Вместе они стали проблесками надежды, когда его вера подверглась жестокому испытанию.

Первым потерянным миром-кузней архимагоса стал Арцетри, который атаковало и поглотило поисковое щупальце флота-улья Предвестник. Из-за недостатка информации о биологических особенностях расы тиранидов Котов решил, что миры промышленности и стали представляют мало интереса для прожорливых ксеносов. Это предположение дорого стоило ему во время вторжения бесчисленных роев, ведомых ненасытным голодом. И хотя много священных машин и жрецов удалось эвакуировать, прежде чем первые споры затмили небеса, ещё больше оказались поглощены океанами желудочной кислоты.

Ураниборг-1572 пал из-за козней Вечного врага, внезапного и отвратительного восстания против законно назначенных Котовым смотрителей, на глазах которых ресурсы целого мира-

кузни захватили механизированные армии техно-еретика Вотхира Тарка. Окружённые скитарии и техножрецы сражались до конца, дабы не отдать ресурсы планеты врагу, но низкое предательство легио Серпентес положило конец их сопротивлению за несколько дней. Ураниборг-1572 стал поражённой порчей адской кузней Тёмных Механикус, миром кровавого железа, где восхитительная промышленность, некогда служившая Золотому Трону, подверглась искажению, чтобы питать кровожадную ярость механизированного демонического отродья, которое не заботило осквернение духов-машин.

Столь ужасающая потеря являлась катастрофой, и сама по себе, но случившись так скоро после падения Арцетри, она почти сломила Котова. Разрушение Паломара стало последним гвоздём в крышку гроба или, по крайней мере, так декларативно вычурно заявили его противники. Как мог магос, который допустил падение трёх миров-кузниц перед врагами человечества, надеяться сохранить свои активы на Марсе? Разумеется, говорили они, оставшиеся храмы-кузни, принадлежавшие Лекселю Котову, должны перейти к другим более способным магосам, прежде чем его невезучее прикосновение уничтожит и их?

“Сперанца” изменила всё.

Прилетев на орбиту Марса на таком могучем реликте эпохи чудес, он заставил врагов уйти в тень. Во всяком случае, большинство из них, некоторые же оказались близко, как никогда.

Обнаружение “Сперанцы” позволило ему выиграть время, но продолжающаяся невыплата десятины в таком огромном масштабе означала, что оставалось только вопросом времени, когда его лишат марсианских владений, а ковчег Механикус конфискуют.

Это рискованное путешествие в неизвестный космос в поисках потерянного флота Телока стало последним шансом сохранить то, над чем он так упорно работал, и что столь тяжело ему досталось. Но Котова вело далеко не только желание спасти созданное. Во время возвышения в рядах Механикус он позволил себе забыть первые принципы Духовенства, и Омниссия наказал его за целенаправленное стремление к мирской власти.

Открыть заново реликвии Золотого Века Технологий — такую цель никто не посмел оспорить, и его ждёт триумф, если он вернётся хотя бы с крупницей того, что надеялся найти Телок. Пропавший магос утверждал, что ищет никак не меньше, чем тайны мифической расы создателей, которые, как он верил, могли вызывать к жизни галактики, звёзды и планеты; технологию, которая могла изменить саму сущность бытия.

От пыльных архивов-усыпальниц далёких руин до запретных хранилищ в тёмном сердце галактики. Говорили, что Телок потратил всю свою жизнь в поисках того, что он называл Дыханием Богов, артефакта невиданной мощи, способного повторно зажечь умирающие звёзды, превратить геологически инертные породы в райские миры и вдохнуть жизнь в самые бесплотные регионы дикого космоса.

Конечно, Телока высмеивали и презирали, его, так называемые доказательства, игнорировали, а теории не принимали всерьёз, считая полной чушью.

И всё же...

Последнее несвязное сообщение, переданное на Марс из-за Шрама Ореола, говорило об успехе экспедиции. Искажённые обрывки сообщения, ретранслированного через манифольдную станцию Валетте, — вот единственное, что осталось от экспедиции Телока, неполный код более чем за три тысячи лет. Не слишком много, чтобы организовывать столь всестороннюю экспедицию, но в этом путешествии веры и паломничества было не меньше раскаяния.

Котов найдёт Дыхание Богов и вернёт на Марс.

Ни ради слав и почестей, и ни ради власти.

Он сделает это ради Омниссии.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/657088>